

няется также вопрос о том, как сказывается нормативность на юридических понятиях, на их логической природе, приобретают ли они какие-то свойства (черты) логического характера, которые отличают их от понятий других наук.

Таким образом, проблема специфики юридических понятий лишь поставлена, сформулирована в правовой теории и она требует глубокого и всестороннего исследования.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1973. 4. Библер В. С. Понятие как процесс // *Вопр. философии*. 1965. № 9. 5. Гегель Г. Наука логики. Соч. М., 1937. 6. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. К., 1976. 7. Курсанов Г. А. Диалектический материализм о понятии. М., 1960. 8. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960. 9. Чернобель Г. Т. Проблема истинности и научной достоверности в правоведении // *Методологические проблемы советской юридической науки*. М., 1980.

Поступила в редколлегию 17.07.86

В. Д. ТИТОВ, канд. филос. наук

ХАРЬКОВ

О ПРЕДМЕТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

XXVII съезд КПСС указал на необходимость решительного поворота теоретического знания к нуждам практики. Применительно к логическим исследованиям требуется их сближение с потребностями частных наук, использующих логико-семантические методы анализа. Одним из направлений перспективного взаимодействия логики и конкретной отрасли науки является синтез современных логических теорий и техники рассуждения в юридическом познании. Такой синтез может быть назван юридической логикой, по аналогии с юридической социологией, юридической психологией, юридической этикой [5, с. 191].

Буржуазные теоретики юридической логики трактуют ее как систему риторических приемов обвинения и оправдания [16], как логику интерпретации юридических норм [13], как деонтическую ветвь модальной логики [15], абсолютизируя одно из действительно важных направлений ее развития в ущерб другим. Тем самым существенно обедняются спектр объективных отношений, образующих предмет юридической логики, и система методов, пригодных для логического анализа юридических конструктов. И здесь, как учил В. И. Ленин, нельзя полагаться на выводы буржуазной науки, признавая отдельные полученные ею промежуточные результаты. Правомерность такого понимания подтверждается обращением к истории взаимодействия логики и права.

Не претендуя на полноту исторического обзора, отметим, что указанное взаимодействие на самых ранних этапах становления права приводит к логической рефлексии над содержанием и не-

противоречивым оформлением юридических норм. В контексте имущественных споров и уголовного судопроизводства, формирования политических учений оттачивалась логическая техника, которую с полным основанием можно назвать неявной фазой существования не только юридической логики, но и логики вообще, задолго до ее оформления как философской дисциплины в Древней Греции и Древней Индии.

Юридическая детерминанта отчетливо выражена в римский период развития логики, от которого в ее концептуальном аппарате сохранились, например, такие важнейшие термины, как *judicatio* (суждение) и *demonstratio* (доказательство). Семантическая близость юридических и логических концептов позволяет сделать предположение о преимущественной ориентации римских авторов (Цицерон, Квинтиллиан, Бозций) на исследование логической структуры и форм суждений и доказательств. Это допущение подтверждается историографией логики [10, с. 94—102].

— Вместе с тем было бы ошибочно считать правовую рефлексию единственной детерминантой развития юридической логики. Как отмечает В. А. Чефранов, «...истинность понятий, суждений, вырабатываемых правовым сознанием, не только вытекает из фактов действительности, но и логически следует из других понятий и суждений, вырабатываемых как «внутри» правового сознания, так и внутри иных видов социального отражения» [11, с. 188]. Юридическая детерминанта дополняется философским, естественнонаучным и даже эстетическим факторами развития логических идей. Именно многообразие детерминирующих влияний на общую логику определяет ее универсальную значимость для любой сферы деятельности, в том числе и ее обратное влияние на структуру и методы юридических рассуждений. Эта диалектическая детерминационная связь отчетливо просматривалась уже в римском праве.

После длительного отхода схоластической логики от практических нужд на рубеже XVI—XVII вв. в связи с формированием капиталистических общественных отношений, бурным развитием естествознания и техники произошла переориентация логических интересов на обеспечение методологических потребностей естественных и общественных наук. Такая тенденция затронула и область правоведения. В 1615 г. тюбингемский профессор В. Шикхард издал книгу «*Logica juridica*», предмет которой сводился к классификации правил истолкования юридических норм [15, с. 3]. Под влиянием работы Шикхарда формируется интерес к этой лограничной области логики и права у Г.-В. Лейбница, по образованию и основному роду занятий юриста, дипломата и государственного деятеля [7, с. 14]. В юридической логике Лейбниц усматривал теорию логического следования из правовых норм, которая должна была стать частью его проекта математизированной «Всеобщей науки». Как отмечает Ж. Калиновский, юридическая логика в соответствии с замыслом «Всеобщей науки» должна была развиваться на основе формального исчисления, предвосхищая

этого современные деонтико-логические подходы [15, с. 4]. Проект Лейбница слишком опережал время, потребности тогдашней теории права и возможности развития логики. Не последнее место среди возникших трудностей занимали скептическое восприятие и оценка его идей как среди логических, так и юридических авторитетов того времени. Это привело к забвению лейбницева подхода, но не идеи юридической логики, которая нашла продолжение в гегелевской философии права, организованной как развивающаяся логическая система.

Гегелевская философия права привела к ценному логико-методологическому результату: обнаружению диалектики юридических понятий, отображающих взаимодействие индивидуальной и общественной воли, содержания и формы права; к необходимой смене правовых конструкций под давлением исторического развития, которое Гегель связывал с поступательным развитием абсолютного духа. Идеализм и мистика гегелевской философии права воспрепятствовали распространению самого ценного в ней на сферу юридической логики. Причина этого была вскрыта в 40-х гг. прошлого века К. Марксом: «Но если идея превращается в самостоятельный субъект, то действительные субъекты... становятся здесь *недействительными*, означающими нечто отличное от них самих, объективными моментами идеи» [1, т. 1, с. 224—225].

Гегелевский подход мог дать лишь общие ориентиры апологетики буржуазной политической системы. Спекулятивный же ультралогицизм данного подхода противоречил целям технико-логического анализа правовых норм. Это стало одной из причин обращения буржуазных теоретиков права к неокантианским и позитивистским, психологически ориентированным вариантам логики. Формальная расплывчатость подобных построений ставила под сомнение возможность достижения в них должной строгости, на которую, впрочем, и не претендовали авторы. Так, сторонник психологического направления, харьковский юрист Н. А. Гредескул в 1900 г. утверждал: «Само право есть величина психологическая и... механизм его осуществления ... также чисто психологический». Притязая на исследование «интеллектуального процесса осуществления права», Гредескул отводил весьма скромную роль логике, якобы сводящейся в сфере права к «отысканию норм в их подлинном тексте, установлению правоположения, направленного как раз на данный случай, и, наконец, конкретизации правоположений» [3, с. 232]. Налицо искусственное, субъективно-идеалистическое обеднение предмета юридической логики, характерное для современных буржуазных теоретиков.

Социальные и гносеологические причины такого обеднения станут ясны, если мы обратимся к концепции немецкого правоведа О. Эрлиха (1918 г.). Юридическая логика трактовалась им как побочный результат адаптации римского права в новоевропейских доктринах. Ее специфику по сравнению с логикой любой другой науки Эрлих усматривал лишь в том, что принятое за парадигму логической техники дедуктивное следование из большей посылки

к заключению, сопрягающее норму права с частным случаем, осуществляется не на основе непреложного закона природы, а на базе юридической фикции, примиряющей социальные противоречия [12, с. 2, 157, 299]. Аргументация Эрлиха верна в отношении норм буржуазного права, действительно основанного в большей своей части на фикциях. Такому праву и в самом деле не нужна «правильная логика», и оно нуждается в фальшивой паралогике, обеспечивающей видимость дедуктивного следования из сколь угодно ложных посылок. Вот почему предмет юридической логики и у Эрлиха существенно ограничен функциями обеспечения связности правовых норм, адекватной передаче воли законодателя, единообразия правовых конструкций [12, с. 147]. За пределами концепции Эрлиха остались проблемы интерпретации норм, техники их построения, специфические модальности (запреты и разрешения), представляющие существенный интерес для логики и юриста. Отвлекаясь от этих содержательных аспектов, Эрлих примыкал к сторонникам юридического формализма, о котором один из первых советских теоретиков права Е. Б. Пашуканис писал в 20-е гг.: «Крайний формализм... выражает общее упадочное направление буржуазной научной мысли последнего времени, стремящееся исчерпать себя в бесплодных методических и формально-логических ухищрениях, кокетничая своим полным разрывом с реальной действительностью» [6, с. 63].

Свидетельством глубокого кризиса буржуазной науки в понимании юридической логики стал не только формализм, но и его методологический антипод, а по социальной сути двойник, представленный прагматизмом. В 1935 г. американский юрист Ф.-В. Харпер утверждал: «То, что решает судья, и есть закон... Он меньше всего руководствуется логикой достоверности, а больше... логикой вероятности» [14, с. 247—248]. Под предлогом необходимости следовать логике естествознания как якобы единственно научной форме логики юридической теории и практике навязывался вероятностный стандарт, игнорирующий специфику такой сложнейшей отрасли гуманитарного знания и человеческой практики, как правотворчество и правоприменение. Принятие вероятностного стандарта юридической логики априори оправдывало ошибки судопроизводства и буржуазного законодательства в целом. Субъективный идеализм, свойственный буржуазной философии права, был доведен сторонниками прагматизма до логического завершения в форме легализации субъективного произвола классового буржуазного правосудия.

Известно, что в 30—40-е гг. вероятностная тенденция в логике принятия судебных решений получила поддержку и у некоторых авторитетных в то время советских юристов. Сложнейшая диалектика юридического познания и доказательства истинности познанного была метафизически сведена к одной лишь черте диалектики — относительности. Преодолению этой глубоко чуждой марксистско-ленинской методологии тенденции были посвящены работы основоположников советской юриди-

ческой логики М. С. Строговича, И. С. Вильнянского, А. А. Старченко. Так, М. С. Строгович в первом советском учебнике логики для юристов подверг критике расширительное вероятностное толкование разделительных силлогизмов как достаточного логического основания для выдвижения обвинения [9, с. 264]. И. С. Вильнянский [2] не только показал значение логики для правоприменительной деятельности, но и проследил существенные взаимосвязи между содержательными и формальными аспектами логического анализа. А. А. Старченко [8] исследовал специфику применения логических методов в судебном познании, настаивая на необходимости строгих и однозначных выводов как логических условий соблюдения социалистической законности.

Для ранних работ, посвященных вопросам применения логики в правовой сфере, была характерна ориентация на традиционные средства (аристотелевская силлогистика и миллевская теория индуктивных умозаключений). За пределами этих работ оставалось исследование возможностей обширной и бурно развивающейся современной символической логики. Преодоление этой односторонности наметилось уже в 60—70-е гг. с появлением известных учебников логики для студентов юридических специальностей, написанных В. И. Кирилловым и А. А. Старченко, В. Е. Жеребкиным. Значительное место в названных учебниках отводилось проблемам формализации юридических выводов, интерпретации понятий права, ознакомления будущих юристов с элементами пропозиционального исчисления, логики предикатов, модальной логики, с содержательным анализом вопросительных высказываний и т. п. В монографии В. Е. Жеребкина [4] была предпринята плодотворная попытка расширения предметной области логического анализа за счет включения «оценочных» понятий права. Интерес к проблемам современной логико-семантической техники отчетливо выражен в работах теоретиков права С. С. Алексева, А. М. Васильева, А. Ф. Черданцева, в ряде публикаций представителей отдельных отраслей права.

Работы указанных авторов позволяют очертить круг проблем юридической логики, развиваемой на основе диалектического и исторического материализма.

Во-первых, это проблемы осмысления процесса формирования и особенностей концептуального аппарата юридических дисциплин. Во-вторых, выяснение логических условий полноты и согласованности юридических теорий, логической валидности интерполяций («пробелы» в праве) и экстраполяций (аналогии права, аналогии законов). В-третьих, наличие не элиминируемого ценностного компонента в юридическом знании требует применения деонтической логики, что позволит уточнить содержание юридических норм и конструкций, обеспечить единообразное толкование права. В-четвертых, предмет юридической логики должен включать важные в практическом отношении теорию аргументации, методы систематического развития и анализа гипотез (следственных версий), логическую структуру качественной оценки не квантифици-

руемых, но имеющих существенное значение для правоприменения субъективных параметров.

Исчерпывающее определение предмета юридической логики вряд ли может быть дано в рамках краткой статьи. Сам этот предмет, относясь к метаюридической области исследования (термин Л. С. Явича), безусловно, требует для своего уточнения объединенных усилий философов и логиков, представителей общей теории права, отдельных юридических наук и специалистов-практиков. Однако необходимость его разработки ввиду теоретической и практической значимости представляется несомненной.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Вильнянский С. И. Значение логики в применении юридических норм // Уч. зап. Харьк. юрид. ин-та, 1948. Вып. III. 3. Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Х., 1900. 4. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. К., 1976. 5. Нащиз А. Правотворчество. М., 1974. 6. Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. 7. Соколов В. В. Философский синтез Г. Лейбница // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1. 8. Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958. 9. Строгович М. С. Логика. М., 1948. 10. Стяжкин Н. И. Формирование математической логики. М., 1967. 11. Чефранов В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. К., 1976. 12. Ehrlich E. Juristische Logik. Tübingen, 1918. 13. Gardies J.-L. La logique de l'interprétation du droit et la logique du droit lui-même // Archives de la Philosophie de Droit, 1982, t. 27. 14. Harper F.-V. The Forces behind and beyond Juristic Pragmatism in America // Les sources du droit, 1935, t. 2. 15. Kalinowski G. Logique juridique // Rechtslehre, 1983. Bd. 14. N 1. 16. Perelman Ch. Juridische Logik als Argumentationslehre. Freiburg, München, 1979.

Поступила в редколлегию 16.06.86

Г. А. БОРИСОВ, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

ОТПРАВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сложившиеся в юридической литературе представления о правовом регулировании как осуществляемом при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.), результативном, нормативно-организационном воздействии на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного строя [4, с. 289] открывают возможности поэтапного научного анализа этих средств во взаимодействии с другими для изучения путей всестороннего их совершенствования. Важно обратиться к исследованию исходного звена правового регулирования — юридическим нормам — для более полной характеристики его состава и адекватным данному составу роли и назначения в правовом регулировании. Применительно к условиям совершенствования со-